

Автор выражает глубокую признательность всем своим
собеседникам, которые поделились воспоминаниями
о М. К. Треушникове, о времени и о себе

Ольге Федоровне Треушниковой
Антону Михайловичу Треушникову
Елизавете Михайловне Кудрявцевой (Треушниковой)
Анатолию Константиновичу Треушникову
Владимиру Михайловичу Треушникову
Ольге Васильевне Сидоренковой
Евгению Александровичу Абрамову
Льву Андреевичу Окунькову
Вячеславу Степановичу Кокореву
Надежде Георгиевне Вышняк
Екатерине Владимировне Ремизовой
Виктору Александровичу Чернышеву
Геннадию Ильичу Соломахе
Вере Макарьевне Степановой
Сергею Анатольевичу Шишкину
Владимиру Петровичу Гребняку
Дмитрию Александровичу Фурсову
Владимиру Михайловичу Шерстюку
Александрю Ивановичу Федину
Гаяне Михайловне Давидян
Ирине Валентиновне Решетниковой
Елене Васильевне Кудрявцевой

Советской молодежи посвящается

ГОРОДЕЦ. ПЕРВЫЕ ТАКТЫ

Эра дополненной реальности, в которой мы имеем счастье (или несчастье) проживать сейчас, началась отнюдь не с появления компьютеров и социальных сетей. Нам, конечно, в разы легче с их помощью приукрашивать свою жизнь, корректируя события фильтрами, монтажом, виртуальными объектами и ландшафтами, и у наших предшественников, разумеется, не существовало подобных технических возможностей на общедоступном уровне, однако и прежде, задолго до нас, люди дополняли свою реальность. Человеку не всегда хватает сил и ума быть благодарным за то, что у него есть, и это пробуждает в нем творческое начало. Мифотворчество напрямую связано с чувством собственной значимости, точнее — с недостаточным объемом этого ощущения.

Если бы, например, в пятнадцатом веке существовал «ВКонтакте», на официальной странице супруги Ивана III, которая долго не могла родить Великому князю сына, 25 июня 1478 года вполне мог появиться такой пост: «Ходила молиться в обитель Троицкую. Пешком. Было видение. Явился Св. Сергей с благовидным младенцем на руках, приблизился и ввергнул его в мои недра».

Ну и какой-нибудь визуальный контент: гравюра со счастливой Софьей Палеолог, хештеги в духе «#мальчикурулят», «#наследникубыть», и все такое. Но «ВКонтакте» не было, а реальность очень требовалось дополнить. Из политических соображений в том числе. Поджимал рожденный в предыдущем браке Ивана III взрослый уже сын от тверской княжны. Отсюда — информация о чудесном видении, дошедшая до нас через Карамзина.

Впрочем, такого рода манипуляции с общественным сознанием практиковались в основном среди царствующих особ. По умолчанию допускалось, что с ними чудо, несмотря на очевидную свою невероятность, произойти все-таки может. Обычным людям подобная роскошь не полагалась. Их реальность оставалась реальностью — ничем не дополненной, трудной, непривлекательной. Нам было бы, наверное, не очень интересно листать их ленту. Привыкнув к чудесам наших смартфонов и неутомимости нашего тщеславия, мы, скорее всего, заскучали бы от единообразия их жизни. Без украшений, без весомой прибавки виртуального позерства она показалась бы нам неинтересной, во многом лишенной тех ориентиров, на которые мы полюбили равняться сейчас.

Однако все эти люди жили. Они трудились и любили друг друга, ненавидели, боролись, испытывали восторг, неистово верили, заблуждались и вновь находили правду. Им хватало своей недополненной реальности, и они проживали ее отнюдь не в поисках средства от депрессии, как многие из нас, а в напряженном строительстве, в повседневном возведении собственной жизни к ее конечному и единственному смыслу.

«Дуранда» — вот слово, которого я не знал до встречи с Михаилом Константиновичем Треушниковым. В дополненной реальности этого слова нет. Оно означает жмых, остатки семян масличных растений, после того как масло из них было выжато. Отходы производства, годные только на корм скоту. Сразу после войны, в 1946–1947 годах, в приволжских районах наступила большая засуха. Случился неурожай, а за ним голод, и дуранда превратилась в лакомство для людей. Михаил Константинович вспоминал, что в его родном Городце через дом от него жил мальчик Вова Шитов, чей отец трудился на местном маслозаводе. Вот он и приносил иногда пацанам черный льняной сухарь.

Я представляю этих послевоенных мальчишек, для которых голод навсегда стал самым сильным впечатлением детства, и на-

чинаю понимать, насколько их отношение к жизни, к ее изначальной ценности отличалось от нашего. В той странной несуществующей новостной ленте сорок седьмого года я пролистываю их посты с фотографиями, вглядываюсь в лица, в приметы времени, а мальчишки смотрят в ответ, не улыбаясь, не позируя, застыв с черным сухарем в руке, и как будто ждут от меня чего-то.

В самом конце того года в СССР грянула денежная реформа. Правительство решило откорректировать последствия войны в денежном обращении, то есть, попросту говоря, провести крупную конфискацию. В народе ходили слухи, что Берия перед самой реформой тайно разместил в различных сберкассах огромную сумму, однако информация эта, вполне возможно, тоже из области дополненной реальности. Достоверно известно лишь следующее: в одиннадцать часов вечера 15 декабря отец девятилетнего Михаила Треушникова вручил ему зеленую трехрублевую купюру и сказал: «Иди, купи что-нибудь. Завтра деньги будут другие». Мальчик побежал в ночь на берег Волги, где все еще был открыт крохотный магазинчик, и приобрел на указанную сумму бутерброд с брынзой. Эту инвестицию, как и вкус того бутерброда, он помнил всю свою жизнь.

Через год в окрестности Городца пришло большое строительство. Ветры времени сошлись в единый поток и хлынули в небольшой старинный город на Волге. В 1948 году неподалеку начались подготовительные работы по сооружению Горьковской ГЭС. Со всей страны сюда устремились бюджеты, техника, люди. Население стремительно возросло. Если до войны в тихом провинциальном Городце проживало около шестнадцати тысяч человек, то на момент завершения стройки — почти в два раза больше. Был один город, стало два. Михаил Константинович вспоминал, что учился тогда в 5-м «Ж» классе. И даже не во вторую, а в третью смену. При этом народ прибывал самый разный. На окраине города, в так называемом Четвертом поселке (ныне микрорайон Северный), появилась колония, откуда заключенных возили на стройку машинами. Однако всплеск послевоенной преступности оказался связан не только с ними.

Городец лежит на холмах, разделенных множеством оврагов, и каждый такой овраг застроен домишками. Вот в этих темных проулках и стали пропадать по вечерам у людей часы — самый

престижный и ходовой товар по тому времени. У кого украдут, у кого так отнимут. Грешили на приезжих, конечно, но в итоге арестовали местного паренька. Родители, соседи долго не верили в его виновность — юноша во всех смыслах был положительный. Тем не менее факты свидетельствовали против него. Получается, до поры до времени он тоже довольно ловко умел дополнить свою реальность образом хорошего доброго человека. Правда, не так долго, как ему хотелось, наверное. Впрочем, что там часы. В те годы сама жизнь человеческая стоила не слишком много. Разбой, поножовщина — чего только не случалось на наших улицах после войны.

И все-таки город стремительно развивался. Всеобщий интерес к открывающимся перспективам и потребность в кадрах для новой отрасли привели к созданию гидростроительного техникума. В 1953 году в соседнем поселке Заволжье появилось новое учебное заведение, и пятнадцатилетний подросток Михаил Треушников, только что окончивший семилетку, поехал за реку туда поступать. Быть может, он продолжал бы учиться в школе и дальше, но отец его, Константин Васильевич, в одиночку кормивший большую семью во время войны и в самые тяжелые годы после нее, твердо сказал: «Надо на стипендию».

Семья Треушниковых. В первом ряду: Константин Васильевич, Анатолий, Ирина Андреевна. Во втором ряду: Елена, Михаил. Городец. 1953 г.

Однако специалиста по гидроэлектростанциям из юноши не получилось. Добираться из Городца до Заволжья приходилось тогда на катере, и, поездив так около месяца, Михаил прислушался к старшей сестре Елене, которая была студенткой Городецкого педучилища и с самого начала предлагала поступать именно туда. Представляя курсу нового студента, Николай Михайлович Галочкин, заслуженный педагог и знаток местной истории, гостеприимно сказал о новичке: «Хотел стать капитаном, но будет учителем». Неизвестно теперь — считал он эту трансформацию поражением или, наоборот, шагом вперед, а вот сам Михаил Константинович много лет спустя прокомментирует ситуацию следующим образом: «Иногда отступление полезно». Все звуки «о» при этом он красиво, по-волжски, выделит интонацией и улыбнется.

Студенты Городецкого педучилища. Михаил Треушников крайний справа во втором ряду.

Середина 1950-х гг.

Об этой его фирменной, одному ему свойственной улыбке потом будет вспоминать его однокурсница по юридическому факультету МГУ Надежда Георгиевна Вышняк. В нашей не самой

улыбчивой стране, и уж тем более совсем не в улыбочное время, склонность человека к неожиданно открытой улыбке не просто обезоруживала — она иногда ошеломляла. Особенно если это происходило в конфликтный момент. Природа щедро наделила нас умением разнообразно и энергично ответить на раздражающие факторы, однако согласимся, что улыбка — нечастый инструмент в этом арсенале. И оттого, конечно, убойный.

Городецкое педучилище, построенное некогда на пожертвования местных купцов, располагается на высоком холме в красивом солидном здании из красного кирпича. Основательностью своей напоминает резиденцию крепкого немецкого рода с давними и богатыми традициями. В пятидесятые годы прошлого столетия оно славилось далеко за пределами Городца. Абитуриенты ехали сюда со всей области и даже из других регионов. Выпускники разъезжались по школам Советского Союза, от Чукотки до Дагестана. Поступить, судя по всему, было непросто. Высокий образовательный стандарт, о котором Михаил Константинович всегда отзывался с большим уважением, сопоставляя его с методикой обучения в МГУ, неизбежно приводил к серьезному конкурсу. Специалисты, окончившие в свое время это училище, подчеркивали в разговорах со мной, что последующая учеба в пединститутах и на соответствующих факультетах университетов казалась им легкой прогулкой после четырех лет, проведенных в красном здании на холме.

*Здание Городецкого
педучилища. 2022 г.*

Подобная эффективность и слаженная работа любого коллектива не возникают на пустом месте. Директором педучилища в Городце долгие годы являлся Дмитрий Яковлевич Хлебников, и пример всей его жизни ясно показывает, насколько важна для дела сильная и многогранная личность на руководящем посту. Боевой офицер, сражавшийся в Великую Отечественную в составе войск Западного и 3-го Белорусского фронтов, орденоносец, он пользовался огромным уважением в Городце. Выдающиеся ратные заслуги и повседневный кропотливый труд в педагогике принесли ему заслуженную любовь горожан, а для студентов училища он, несомненно, был важнейшим жизненным ориентиром.

«Вам никогда не придется краснеть за нас, — сказал он однажды на встрече с молодежью города. — Мы жили и работали честно».

Хотелось бы мне, чтобы каждое поколение передавало страну и мир своим детям с этой простой и всеобъемлющей формулой.

*Студенты Городецкого педучилища на зимних каникулах.
Михаил Треушников крайний справа (сидит). 1957 г.*

Помимо формирования жизнеполагающих векторов, Городское педучилище самым счастливым образом оказалось тем местом, где юный Михаил Треушников смог всецело развить свой талант и увлечение всей последующей жизни. Рассказывая мне о жизни в Городце пятидесятих годов, он вспомнил о том, как в родительском доме появилось радио. Я решил, что это воспоминание значимо для него в контексте раскрытия информационного поля, и спросил о его эмоциях в тот момент, когда он узнал о смерти Сталина, но Михаил Константинович улыбнулся и ответил, что по радио любил слушать музыку.

«Особенно Вивальди», — прищурившись, добавил он.

Именно музыки оказалось много в педагогическом училище. Подготовка учителей для начальных классов предполагала овладение разными музыкальными инструментами, и за годы обучения Треушников освоил здесь домру и скрипку. Мало того, училище славилось и своей самодеятельностью. Хор, скрипичный ансамбль с великолепными солистами, танцевальный коллектив — все это вместе заложило мощный фундамент любви к музыке на всю последующую жизнь. Каждый, кто делился со мной воспоминаниями о Михаиле Константиновиче, непременно упоминал о его музыкальности и виртуозном владении многими инструментами.

«В Городце время останавливается, и все хорошо», — сказала нам с Антоном Треушниковым продавщица в цветочном магазине, куда этим летом мы зашли перед поездкой на кладбище, чтобы поклониться могиле его отца. Наверное, она права, и места те действительно живут сейчас в каком-то зачарованном измерении, но в конце пятидесятих время там выполняло свою работу от и до. Честно отщелкивало минуты, часы, дни, недели. В 1957 году Михаил Треушников окончил педагогическое училище.

Однако свободной ставки учителя в городе не нашлось. Педагогов выпускали с избытком. И тогда Николай Иванович Маслов, руководивший в то время районным отделом народного образования, предложил новоиспеченному педагогу поработать старшим пионервожатым в школе № 7 на Четвертом поселке (сейчас это школа № 12). Место оставалось вакантным по той простой причине, что выпускники не стремились его занимать. Товарищ Дементьева, директор школы, слыла человеком сложным. Сработаться с ней молодежь не могла. Во всяком случае, так говорили в городе.

С сестрой Еленой. Городец, 1958 г.

И вот тут проявилась одна важная особенность в характере Треушников, которая впоследствии будет во многом определять его жизненный путь. Она заключается в неочевидности выбора. Точнее, в его неочевидности для остальных. Ведь мнение социума по тому или иному вопросу, о том или ином человеке — это тоже своего рода дополненная реальность. В нашу с вами жизнь посредством СМИ, соцсетей или просто болтовни соседей во дворе интегрируется дополнительный информационный объект, и дальше наступает уже наша персональная ответственность в области взаимодействия с этим объектом. Можно принять его в свою вселенную и действовать с учетом того, что он будто бы существует, отчего многие ваши поступки и движения неизбежно станут похожи на поступки и движения большинства, уверенного в его существовании. А можно исключить его из своего мира и попробовать остаться уникальным. Таким, как задумала вас природа.

Ну, и узнать заодно цену молве.

«Дементьева — так Дементьева», — сказал тогда юный Треушников и вскоре выяснил, что на самом деле она была хорошим директором. Просто очень требовательным.

Так или иначе, они сработались. Молодому специалисту выделили кабинет, и он приступил к своим обязанностям. Впрочем, по обязанности он должен был делать гораздо меньше, чем в итоге взвалил на себя. Насколько я помню своих пионервожатых в средней школе семидесятых годов, они особо не напрягались. Общая линейка, стенгазета, пионерский сбор — вот, пожалуй, и вся их работа. У Треушникова дело пошло по иному сценарию. Он начал с того, что придумал занятие для пацанов на переменках. Вместо перекуров и баловства в соседнем овраге они теперь выпиливали лобзиком. Помня свое собственное увлечение в детстве этим инструментом, с уверенностью могу сказать — это был королевский ход. Работа в сочетании с творчеством плюс быстрый и предметный результат твоего труда, которым к тому же можно похвастаться перед мамой, завораживали меня настолько, что я одно время летел из школы домой как на крыльях. А здесь даже не надо ждать конца уроков — пили не хочу.

Впрочем, диссиденты все-таки обнаружили. Оппозицию возглавил старшекласник Колька Захаров, не желавший, видимо, терять своего дворового авторитета и немедленно поставивший затею с лобзиком под сомнение. Тогда был сделан следующий ход. Начинаящий пионервожатый неожиданно воспользовался инструментарием оппонента. Вечерами городецкая шпана собиралась на высоком берегу водохранилища, где жгла костры и предавалась прочим нехитрым занятиям, отражавшим романтические представления той поры. Вот туда, в мир трудных подростков, где любая фальшь вычисляется мгновенно и где статус школьного педагога скорее осложняет контакт, нежели придает веса, пришел старший пионервожатый Треушников. Не знаю, как реагировал на этот вызов Колька Захаров (полагаю, проблемы возникли), но вскоре, как выразился много лет спустя Михаил Константинович, «озорники стали хорошенькими».

Значит, убедил.

Сам он об этом эпизоде в своей жизни поведал мне впроброс, не останавливаясь на деталях, однако, выслушав уже не один рассказ о нем от его однокурсников по МГУ и коллег по дальнейшей

юридической деятельности, могу с уверенностью судить: подобные ситуации он разрешать умел. Вера Макарьевна Степанова, принимавшая его после юрфака на работу в Москворецкий суд, вспоминает, что иногда, по требованию арестованных, ей приходилось до заседания идти к ним, чтобы выслушать очередные претензии или даже отказ от участия в суде, и всякий раз было неизвестно, чем это кончится. Подконвойные, особенно те, которые проявляли подобную активность, вели себя дерзко, выражались грубо, могли угрожать. Михаил Треушников, едва приступив к работе в суде, подошел как-то раз к начальнику конвоя и со своим характерным волжским упором на звук «о» сказал ему: «Не зови. Она больше не пойдет. Я пойду».

Понятно, что такие люди не могут не быть востребованы, поэтому в седьмой школе Городца он проработал недолго. Буквально через шесть месяцев педагогической деятельности ему предложили перейти в горком ВЛКСМ. И вот тут начинается целая сага о дополненной реальности. Дополненной отнюдь не на его частном уровне, а в историческом масштабе огромной страны. Начав рассказывать мне о переходе на идеологическую работу, Михаил Константинович неожиданно заговорил о приписках и фальшивой статистике. Я не сразу уловил, как это связано с его карьерным ростом, однако очень скоро для меня все встало на свои места.

В 1957 году на зональном совещании работников сельского хозяйства тогдашний глава государства Н. С. Хрущев произвел публичный ребрендинг давнего ленинского лозунга насчет догнать и перегнать в развитии капиталистические страны. Поскольку наступление коммунизма было обещано в 1980 году, и я хорошо помню, как в начале семидесятых сам с детским нетерпением ждал, когда в магазинах вот-вот все станет бесплатным, Хрущев на том историческом совещании потребовал создать материально-техническую базу для этого волнующего и прекрасного события. Спасибо ему, конечно, за то, что подарил детям сказку, однако отдуваться пришлось взрослым. Перед работниками сельского хозяйства была поставлена задача утроить производство мяса в стране за три года. Большинство руководителей в областях, разумеется, осознавали невыполнимость миссии, но первый секретарь Рязанского обкома почему-то повел себя как один из героев голливудской фабрики грез. Быть может,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Городец. Первые такты	9
Москва. Развитие мелодии	31
Выбор пути. Основной мотив	101
Vivat Academia! Vivant professores!	125
Решение по существу (вместо эпилога)	163

По имеющимся данным, человек за всю жизнь не может прочитать больше двух процентов книжных произведений, созданных в этом мире. Каждому из нас рано или поздно приходит мысль, какими должны быть произведения, на которые мы тратим личное время и жизненную энергию, отдаем им часть себя. Общение с книгой должно приносить и удовольствие, и пользу, а в идеале — еще и полноценный диалог с автором.

Мы стоим перед выбором: что читать? Так создается личная библиотека. На первых порах она складывается стихийно: человек учится чтению, привыкает к книге, а действующие образовательные программы, начиная с дошкольных учреждений и заканчивая высшими учебными заведениями, предлагают базовый набор произведений, с которыми следует познакомиться, осмыслить и понять. При вхождении в самостоятельную взрослую жизнь мы имеем уже багаж прочитанного — у нас есть начальная библиотека, но вряд ли кто-то этим объемом и ограничивается. Порой мы решаем задачу, стоит ли очередное произведение и его автор нашего внимания. Чем больше вариантов, тем сложнее выбор. Чем мы старше, тем жестче критерии отбора. И каждому последующему поколению приходится труднее предыдущего. Но никто еще не отказался от ее решения и может предложить на обсуждение свое как единственно верное.

Библиотека, созданная человеком, — уникальна, как уникален индивид и каждое произведение, ее составляющее. Вряд ли в мире найдутся две одинаковые библиотеки. Стремления, тревоги человека тотчас же отражаются на выборе книг, которые требуются для чтения. Произведение литературы — это не только выражение психики его автора, но и выражение психики тех, кому оно нравится. Эта давняя мысль Эмиля Геннекена, подхваченная и развитая Николаем Рубакиным и его последователями,

кажется, годится не только для художественных произведений, но вообще для всех, включая научные труды (несмотря на их особый язык и среду возникновения). Таким образом, собираемые и читаемые произведения становятся не только источником, но и отражением мировоззрения создателя коллекции, они способны показать неповторимость его опыта, знаний, ценностей. Собрание книг приобретает частичку личности, которая при определенных условиях способна пережить создателя.

Наверно, не ошибемся, если сочтем, что срок жизни личной библиотеки равен в целом сроку жизни ее создателя. Период активного чтения у человека длится 50–60 лет, а в последние годы жизни он устает и практически не находит сил на чтение имеющихся книг, не говоря уже о поиске новых. В связи с этим обычно библиотека жива, пока жив ее владелец, в отличие от авторских произведений и научных открытий, способных пережить создателей на десятки и сотни лет.

Каждой личности хотелось бы передать «интеллектуальный тип», образ мира, читательскую среду последователям моложе и сильнее, чтобы продолжить начатое дело освоения и постижения этого мира. Автор продолжает жить в произведениях, ученый — в открытиях, а читатель — в своих книгах.

Миру Михаила Константиновича Треушникова были знакомы все три ипостаси, ему посчастливилось выступить в роли автора, ученого и читателя.

Михаил Константинович передал часть домашней научной библиотеки кафедре гражданского процесса МГУ имени М. В. Ломоносова. Но это ее статическая часть, собранная им лично.

Открываемая книжная серия «Библиотека М. К. Треушникова» — попытка издателя, родных, учеников, коллег и друзей Михаила Константиновича сберечь и посылно продолжить создание личной библиотеки, вселить в нее жизнь, продолжить то мировосприятие, которое было присуще Михаилу Константиновичу как человеку своей эпохи.

*Антон Михайлович Треушников
Издательский дом «Городец»*